

РАССЕЯЛИСЬ клубы дыма, смолкали отголоски фанфар, и к рампе вышел юноша в красном — цвета крови — костюме. Тревожно-вопросительно зазвучали его слова: «Почему вы такие спокойные? Вам не за что драться? Неужели покончено со злом на земле?» Это был Николай Островский — герой пьесы Ю. Принцева «Девятая симфония». Актер Р. Катанский вступал в бой за героиню, за ее право «быть» на подмостках современного театра.

В спектакле Театра имени Ленинского комсомола артисту удалось проникнуть в самое «естество» характера Николая Островского — человека, писателя, гражданина. «Правду! Мне ничего не нужно, кроме правды!» — этим убеждением жил герой Катанского. Вот он вздрагивает и хватается за наган, услышав непристойность в адрес девушки. Подобен сухому хлопку

чик, чистый, мягкий, доверчивый, «самозабвенный в своей тихости». В его влюбленности в Тулина (артист И. Дмитриев) было много от юношеского благоговения ученика перед учителем. Ричарду импонировали в Тулине его красота, ум, талантливость, легкость, с которой тот шагал от открытия к открытию, смелость поиска, апломб. И вдруг случается страшное: Ричард узнает о предательстве Тулина. «Отомстить... Найти слабые места в его работе, раздраконить, расписать их», — шептал Ричарду голос поправленной чести. Это момент наивысшего драматизма в трактовке Катанского, «час пик» для его героя. Что важнее для него: горечь личного оскорбления или интересы науки? Ричард — Катанский выбирает второе. И это делает его личностью. «Главное — заполнить истину» — верность этому убеждению он сохраняет до конца.

обыкновенный, слабый человек, у меня мало воли». Горечь сменяло воодушевление... «Но довольно одного урока, чтобы поддаться во мне твердость. Я могу поколебаться, но преступления не сделаю. Я могу споткнуться, но не упасть!» Несмотря ни на что, Жадов опять выбирал «спокойствие совести». К такому нравственному итогу приводил своего героя актер.

«Спокойствие совести» как импульс ежедневный, ежеминутный, невозможность равнодушно смотреть на совершаемое рядом зло — эти мотивы оттенял Катанский в образе Верджила Тибса, героя спектакля «Душной ночью». Что проще было для Верджила, чем сесть в поезд и уехать из ненавистного Менериса, где его чуть было не обвинили в убийстве? Но он долгом своим счел остаться и заняться расследованием, зная, что рискует жизнью. Путь к обретению истины становится для Тибса испытанием на нравственную стойкость. Белье против черных, черные против белых — Тибс чуть было не поддался гипнозу этого неписаного закона «морального кодекса» американского общества. Эдикот — утонченный садист, главная фигура среди расистов города. Как же хотелось Тибсу, чтобы след преступления привел именно сюда. Поэтому какое-то время, сам того не замечая, он машинально подтасовывал факты. «Я шел по неверному следу. Предубеждение против Эдикота — вот что сбивало меня с толку». Тибс находит в себе силы «заполучить истину», не облегчив себе задачи, вступить в конфликт с обществом, отвергнув его «правила игры».

Сознанием своей причастности к делу защиты интересов мира и прогресса живет ученый Цветков, герой спектакля «Человек и глобус». Прототипом его драматургу В. Лаврентьеву послужил образ физика Г. Флерова — одного из создателей советской атомной бомбы. Наука во имя морали и человечности — отсюда фанатическая преданность ей, глубочайшая убежденность Цветкова в необходимости своей работы «не ради славы и наград, а ради нас с тобой».

Сведенные постоянной судорогой ноги, сцепленные впереди руки, жидкие пряди бесцветных волос и глаза немигающие, бессмысленные... Таков король Филипп, сыгранный Катанским в спектакле «Легенда об Уленшпигеле». «С детства не было сласти, страсти или любви для меня слаще власти над другими людьми». Маньяк, одержимый идеей власти, становится королем-тираном. «Мне приятно рыдания, а не трель соловья, лишь чужие страдания — это радость моя. Что мне свежее: попытка, что мне прелесть ланит, но хорошая пытка — это тоже пьянит». Страшная, омерзительная фигура. Краски сгущены, доведены до гротеска. И чем отвратительнее образ Филиппа, тем прекраснее его нравственный антипод — вольнолюбивый Уленшпигель.

Разоблачая несостоятельность философии человеконенавистничества, артист утверждает непреходящее величие духовных ценностей — человечности, нравственной чистоты, стремления к истине. В утверждении героя честного, бескомпромиссного, активно отстаивающего свои идеалы, — внутренний пафос и смысл творчества Р. Катанского.

Г. МАКАРОВА

СТРЕМЛЕНИЕ К ИСТИНЕ

ТВОРЧЕСТВО
МОЛОДЫХ

выстрела удар его палки по столу Туфты, объявившего о механическом «выбывании» Островского из партии за неявку на перепись. Бледный, с искаженным от ненависти лицом наступал он на бывшего своего боевого товарища, в бюрократизме которого увидел измену высоким идеалам партии. Как боевой клинок сверкнула занесенная над головой палка. В сцене с секретарем губкома Островский Катанского с ожесточением разрывал медицинскую справку, в которой говорилось о переходе его на инвалидность. «Из строя меня выведет только смерть. И если тебе скажут, что я умер, не верь этому, пока сам не убедишься. Если хоть одна клетка моего предательского тела сможет жить — я буду сопротивляться до последнего».

В таком ощущении непрерывной борьбы проживал актер свою роль. Он не играл Островского, а исполнялся в собственных чувствах. Темперамент его представлял собой понятие не столько физиологическое, сколько гражданское, социальное. И когда в финале спектакля пораженный страшной болезнью Островский вдруг откидывал одеяло, вставал и подходил к рампе, этот условный прием не казался неоправданным. Актер завоевал право на него своей трактовкой роли, которая носила ярко выраженный надбытовой характер. Проникнув в правду героини, Катанский доказывал ее идейную и эстетическую «совместимость» с нашей эпохой.

Победа актера в этой роли была значимой и глубоко принципиальной. Ярко выраженная гражданственность его творческих поисков проступала в «привязанности» к проблемам нравственным.

Этапной работой актера стала и роль Ричарда в спектакле Театра имени Комиссаржевской «Иду на грозу» — инсценировке одноименного произведения Д. Гранина. Актер показывал своего героя в процессе духовного возмужания: в начале спектакля это был почти маль-

«Люди приходят и уходят. Что же остается от каждого на этой земле, кроме могильного холма? Исчезает все — города, империи, целые культуры... Остается лишь одно — стремление к истине. Оно передается от поколения к поколению, сквозь любые испытания, катастрофы». Многих положительных героев Катанского роднит это стремление к истине, постоянная готовность к борьбе за нее. Николай Островский как единый подвиг прожил свою жизнь. Ричард, осознав себя личностью, высоким нравственным подвигом обессмертил память о себе.

В последних своих ролях, сыгранных на сцене Академического театра драмы имени А. С. Пушкина, Катанский продолжал успешно «защищать» право своей темы на существование. Нравственную щедротность, презрение к миру взяточничества и чинопочитания акцентировал он в образе Жадова. «Не верю, чтобы честным трудом не мог образованный человек обеспечить себя с семейством. Не верю, что общество так развратно!» — звонко парировал Жадов — Катанский ядовитые реплики дялюшки (артист Б. Фрейндлих).

Юноша был очень силен в этой своей вере, в желании противостоять общественному злу. Но путь борьбы, который он избрал, требовал мужества несравненно большего, чем его оказалось у Жадова. Непосильная работа, ничтожные заработки честного чиновника и как итог уход Полины (артистка Н. Максимова), отчаявшейся зажить с Жадовым, «как все благородные дамы живут», сделали свое дело. «Прощайте, юношеские мечты мои! Прощай, моя честная будущность!» Поникий, униженно прижимая к груди шляпу, нетвердыми шагами входил он в кабинет дялюшки просить «доходного места».

Осознание низости своего падения приходило к Жадову с первыми же презрительными фразами Вышневого: «Моей слабости вам нечего радоваться! Я не герой, я